

Анатолий Васильевич Адо **КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ** **в НАЧАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ в 1789 г.**

Из истории общественных движений и международных отношений

Сб. статей в память академика Е.В.Тарле

М.: изд-во АН СССР. 1957. С.148-169

Веб-публикация: *Vive Liberta* и Век Просвещения, 2012

Тематически связанные материалы даны нами после статьи.

Французская революция конца XVIII в., буржуазная по своим историческим задачам, развернулась с первых же дней как революция глубоко народная, поднявшая на борьбу огромные массы тружеников города и деревни.

Восстания крестьян летом 1789 г. не раз привлекали внимание исследователей. Среди известной части французских историков еще с конца XIX — начала XX в. утвердились две точки зрения по вопросу о происхождении и значении народных восстаний в начале революции, идущие от И. Тэна и Г. Бора и бытующие до сих пор. Для Тэна и его последователей народные восстания это — анархия, бунт черни, бесплодный и разрушительный¹. «Это не революция, это распад», — пишет Тэн, Бор ищет причину «анархии» в злокозненном заговоре революционеров, которые при помощи секретных агентов распространили повсюду ложные панические слухи². Версию о «секретных агентах» из Парижа и Версаля, сеющих панику, повторил Динэ³ — автор недавно появившейся работы о «великом страхе». Однако такого рода представления о причинах движения подверглись достаточно аргументированной критике со стороны ряда французских историков, стремящихся на основе большого и тщательно отобранного материала показать подлинную историю крестьянства в годы революции и, в частности, раскрыть значение крестьянских восстаний лета 1789 г.⁴ Среди них выделяется фундаментальное исследование Ж. Лефевра «Великий страх», где дана широкая картина крестьянской борьбы в начале революции. Значение крестьянских восстаний подчеркнул и автор недавно переизданной работы о 1789 г. А. Собуль⁵, посвятивший краткому очерку их истории третью главу своей книги.

В настоящей статье сделана попытка дать обобщающую картину революционного подъема, охватившего французскую деревню в июле 1789 г.⁶,

¹ И. Тэн. Происхождение современной Франции, т. II. СПб., 1907, стр. 5 и сл.

² G. Bord. La conspiration révolutionnaire. Paris, 1909, p. 61, 62.

³ H. Diné. La Grande Peur dans la généralité de Poitiers. Paris, 1951. В рецензии на эту работу проф. Ж. Лефевра (G. Lefebvre. — «Annales historiques de la Révolution française», № 128, 1952) справедливо замечает, что по существу это лишь повторение основного тезиса контрреволюционной пропаганды времен революции, воспринятого реакционной историографией уже с начала XIX в.

⁴ Напр., G. Bussière. Etudes historiques sur la révolution en Périgord, t. I—III. Paris. 1877, 1885, 1903; P. Conard. La peur en Dauphiné. Paris, 1904.

⁵ A. Soboul. 1789, l'an un de la liberté. Paris, 1950.

⁶ Такая попытка кажется тем более целесообразной, что русские (в том числе советские) историки, создавшие целую школу в области изучения аграрного строя Франции XVIII в., редко обращались специально к исследованию крестьянского дви-

когда тысячи вооруженных крестьян ринулись на штурм феодальной твердыни, и она зашаталась и треснула под их ударами.

* * *

Восстания крестьян в июле 1789 г. не были неожиданным взрывом народной ярости, они не были и результатом тайного заговора,— они явились закономерным следствием основных противоречий аграрной экономики Франции XVIII в., резко обострившихся в условиях экономического и политического кризиса конца 1788 — начала 1789 гг.⁷ Уже феодальная реакция и громадный рост налогов оказались непосильным бременем для французской деревни, низводя хозяйство массы крестьян до физического минимума средств существования, сковывая всякое развитие крестьянского хозяйства, разоряя многих крестьян, попадавших в число пауперов, которыми были полны большие дороги Франции в этот век первоначального накопления.

Экономический кризис 1787—1789 гг., сыгравший громадную роль в возникновении революционной ситуации, довел крестьянина до той степени нищеты, когда скрытое, глухое недовольство начинает перерастать в открытый протест. Плачевное состояние торговли и сокращение производства лишили промышленного заработка большую массу сельского населения, связанную с домашними промыслами, и обострили обычную в это время года сезонную безработицу.

Зимой 1788—1789 гг., и в особенности с началом весны, положение в сельском хозяйстве резко ухудшилось, обострился давно назревший кризис аграрной экономики Франции. Непосредственным поводом кризиса оказались исключительно неблагоприятные природные условия лета и зимы 1788 г.—засуха, небывалое градобитие, затем морозы, превзошедшие суровостью наиболее тяжелые зимы 1709 и 1740 гг.

Нищета, поразившая широкие массы крестьян, особенно почувствовалась, когда подошло к концу зерно старого урожая. Повсюду, почти в одних и тех же выражениях, сельские кюре повествуют о крайней нищете деревенского населения. «Нищета повсюду дошла до высшей точки», ввиду нехватки хлеба,—записывал кюре одного из приходов Лотарингии⁸; о «крайнем пределе нищеты» сообщали в июне из Франш-Конте, в январе субделегатам Франш-Конте была разослана красноречивая инструкция, о способе изготовления «очень экономического хлеба из картофеля» и способе «извлечь пользу из мороженого картофеля»⁹. То и дело в записях сельских кюре нам попадаются лаконичные замечания о том, что «многие умерли от холода», «много было больных и умерших»¹⁰. Все это, как справедливо отметил Ф. В. Потемкин, влекло за собой относительное возрастание тяжести феодальных платежей и резко усиливало ненависть к сеньеру цензитария и издольщика, вынужденного по высоким ценам покупать на рынке хлеб, часто поступающий туда из амбаров получателей десятины и шампара.

жения. Работа П. Кропоткина составляет исключение, однако глава XVI, посвященная июльским событиям, написана, как и вся книга, в 1908—1909 гг., когда, по верному замечанию автора, «точных данных относительно этих восстаний» было «очень мало».

⁷ Кризису 1787—1789 гг. посвящена содержательная статья Ф. В. Потемкина «Экономический кризис 1787—1789 гг.». «Труды МИФЛИ», т. VI, 1940; см также L a b r o u s s e. La crise économique française à la fin de l'ancien régime et au début de la révolution, t. I. Paris, 1944.

⁸ «Inventaire sommaire des archives antérieures à 1790» (далее «Inventaire sommaire»). Meurthe et Moselle, t. 8, p. 69—70, 231.

⁹ «Inventaire sommaire». Haute Saône, t. 4, p. 84.

¹⁰ «Inventaire sommaire». Maine et Loire, t. 3, p. 187; Rhône, t. I, p. 164, 218.

Народ, по меткому выражению Лефевра, с полным основанием не допускал, «что только природа ответственна за его нищету»¹¹. Именно с весны 1789 г. начали подниматься первые волны движения крестьян. Громадную роль в «раскачке» крестьян сыграл и политический кризис, борьба вокруг созыва Генеральных штатов, составления наказов и т. д. Вся история французской деревни начала 1789 г. подтверждает правильность ленинской мысли о том, что в обстановке революционной ситуации кризис в верхах, политический, правительственный кризис, втягивает в политику широкие, даже самые отсталые массы трудящихся, создает трещину, в которую прорываются их недовольство и возмущение¹². Большое влияние на крестьян оказывали восстания и волнения плебейства городов. С начала 1789 г. не было дня, чтобы в каком-нибудь пункте королевства не происходили столкновения городских низов с войсками, жандармерией, нападения на хлебные амбары, обозы и т. д.¹³

Для крестьянского движения в предреволюционные месяцы характерна чрезвычайная локальная раздробленность. Борьба распадается на множество местных столкновений, стычек с войсками и жандармерией, небольших восстаний, совершенно не поддающихся общему учету. Тем не менее уже их необычайная многочисленность позволяет сделать вывод о внушительном подъеме народного движения в деревне весной 1789 г.

При ознакомлении с материалами прежде всего бросается в глаза громадный размах продовольственных волнений. В Пикардии, Артуа, Нормандии, Парижском районе, Бретани, Шампани, Дофинэ, Лангедоке, Провансе — повсюду ежедневно происходили бесчисленные нападения на хлебные обозы, склады, амбары, столкновения на рынках, которые все чаще перерастали в небольшие восстания, вооруженные стычки с войсками и жандармерией. Во Франш-Конте, например, по сообщению современной брошюры, несколько приходов в течение апреля и мая находились в состоянии «полного возмущения». Вооруженные отряды жителей «охраняли все дороги, захватывали все встречавшиеся повозки с хлебом, совершали всевозможные насилия над возчиками»¹⁴. Та же картина была в деревнях Мэна; то в одном, то в другом приходах раздавался набат, и жители устремлялись за хлебом, не боясь вступать в столкновения с войсками и часто выходя из них победителями. Такие столкновения заполняют конец 1788 — начало 1789 г., особенно многочисленными становятся с марта 1789 года. «Лучше умереть от ружейного выстрела или с петлей на шее,

¹¹ G. Lefevre. La Grande Peur de 1789. Paris, 1932, p. 27. Жители, писал сельский кюре из Шампани, «жалуются на свою долю и возлагают на бога и на сильных мира ответственность за свои беды и нищету» (Ch. Laurent. Reims et la région renoise à la veille de la Révolution. Reims, 1930, p. CCLXXXIII).

¹² См. В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 189—190; т. 31, стр. 65—66.

¹³ Сообщениями о подобных выступлениях переполнены административная переписка, материалы, касающиеся продовольственных вопросов и т. д. Даже отрывочные данные, оказавшиеся у нас по ряду провинций, позволяют говорить почти о 150 «бунтах» (émeutes) в городах между январем — июнем 1789 г., не считая волнений, именуемых в источниках «troubles», «désordres» и т. д.

¹⁴ «Relation d'une partie des troubles de la France pendant les années 1789—1790... à Paris» (далее — Relation...). 1790, p. 23. Брошюра в 185 страниц (хранится в собраниях Института марксизма-ленинизма), изданная в 1790 г. в Париже, содержит обзор народных движений в 1789—1790 гг. Автор, по его словам, «объездил все провинции королевства». «Как будто бы сама природа французов изменилась...», — сетует он, — «от одного конца королевства до другого анархия, варварство...», нет провинции, «которая не давала бы примеров беспорядка, бунта, и эксцессов...». Автор сообщает лишь те факты, «которые ему точно известны», не касаясь того, что известно по слухам и из печати. Данные брошюры совпадают, как правило, с материалами других источников.

чем подышать с голоду!» Эти выкрики восставших отражали общее настроение, все больше охватывавшее людей¹⁵.

Борьба деревенских масс за хлеб неизбежно смыкалась с волнениями и восстаниями городского плебейства. На рынках, в городах и местечках собирались часто сотни и тысячи крестьян из соседних деревень. Здесь они встречались с рабочими, ремесленниками; здесь действовали безвестные агитаторы и «зачинщики»; так было, например, 1 апреля в г. Виан, где три неизвестных зачинщика кричали: «Народ Виана, будете ли вы настолько глупы, что не восстанете, как это сделали ваши соседи!»¹⁶ На рынке Монлери (окрестности Парижа) собралось 15 апреля до 8 тыс. человек и вспыхнуло настоящее восстание, оказавшее, по донесению властей, большое влияние на многие соседние рынки¹⁷. Часто толпы окрестных крестьян, отправляясь в города, нападали на хлеботорговцев, сами устанавливали предельные цены на продовольствие, громили хлебные амбары. Например, 24 июня городские власти Бар-сюр-Об (Шампань) сообщали интенданту о том, что «всю ночь ворота города плотно закрыты, учреждена стража и ночные патрули для безопасности городских магазинов и избежания пожаров, которыми угрожала чернь окрестностей, под тем предлогом, что она не находит достаточно хлеба на рынках, переполненных покупателями, стекающимися толпами за 10—12 лье»¹⁸. Характерно для голодных движений восстание в Кане в апреле 1789 г. Начатое толпой женщин, требовавших снижения цен на хлеб, восстание разрослось, в нем приняли участие жители предместий и сбжавшиеся из соседних деревень крестьяне. Восстание продолжалось весь день и часть ночи; народ, доносили перепуганные городские власти, «только и говорит, что об огне, грабеже и гражданской войне»¹⁹.

В условиях общеполитического кризиса в стране неизбежной тенденцией продовольственных движений было их перерастание в прямую борьбу с основами феодальной эксплуатации. Эта тенденция ясно выявилась весной 1789 г. Уже в своей непосредственной борьбе за хлеб крестьяне иногда нападали на хлебные запасы феодальных сеньеров, дворян и монастырей. В районе трех северных провинций — Фландрии, Артуа, Пикардии — крестьяне, добывая хлеб, несколько раз нападали на монастыри, объединяясь подчас в довольно крупные отряды. Один из таких отрядов (около 3 тыс. человек) разгромил, например, аббатство Верже (Verger). Крестьяне забрали из церковных амбаров зерно и муку, основательно опустошили и само аббатство, не пощадив ни мебели, ни винных погребов²⁰. Такие походы крестьян за хлебом в дворянские замки, монастыри,

¹⁵ «Autant vaut mourir de coup de fusil ou avec un bout de corde que de crever de faim». R. Triger. L'Année 1789 au Mans et dans le Haut-Maine. Mamers, 1889, p. 198—202. В любом локальном исследовании читатель найдет указания на множество фактов того же порядка. См., напр., L. Biernawski. Un département sous la Révolution française. Moulins, 1909, p. 246—247; F. Mourlot. La fin de l'ancien régime et les débuts de la révolution dans la généralité de Caen. Paris, 1913, chap. X; E. Camau. L'année 1789 en Provence. Paris, 1937, p. 20—26 и др.

¹⁶ «Peuple de Vians, seriez-vous assez lâche pour ne pas vous révolter comme l'ont fait vos voisins?— J. Viguier. La convocation des Etats Généraux en Provence. Paris, 1896, p. 269.

¹⁷ Ch. Chassin. Les élections et les cahiers de Paris en 1789 (Documents), t. IV. Paris, 1889, p. 109—111.

¹⁸ E. Chaudront. La Grande Peur en Champagne méridionale, p. 64. 13 июня несколько сотен крестьян «бунтовали» на рынке в г. Санс (стр. 66).

¹⁹ «Inventaire sommaire». Calvados, t. 3, p. 269.

²⁰ Судебный протокол об этом событии опубликован в «Inventaire sommaire». Pas-de-Calais, t. I, sér. C. Arras, 1882, p. 182, 356; см. также Relation, p. 26. Исследователь

к откупщикам происходили в районе Камбре²¹, в некоторых местах Лангедока²², Прованса²³.

В эти же весенние дни 1789 г. начались и первые крестьянские выступления, направленные прямо против сеньериального строя в деревне. Они еще очень слабо исследованы, но, судя по имеющимся сейчас материалам, можно заключить, что эти новые черты движения особенно четко проявились в Артуа, Парижском районе, в Дофинэ и Провансе. На крайнем севере и в районе Парижа крестьяне с ожесточением выступили против одной из ненавистнейших сеньериальных привилегий — права охоты. Уже в своих наказах приходы этих районов единодушно восставали против этой унижительной и пагубной для посевов дворянской привилегии²⁴. Зимой и весной 1789 г., когда тысячи крестьян голодали, особенно невыносимыми казались огромные стаи дичи, безнаказанно кишевшие в лесах и на полях. Уже с конца 1788 г., вопреки всем запретам, крестьяне начали истреблять дичь, парализуя, а иногда разоряя лесную стражу. В мае 1789 г. 12 деревень сеньерии Уази (Oisy, Север) организовали настоящий поход против дичи²⁵. После этого крестьяне громко объявили о своем отказе уплачивать в дальнейшем terraж.

В окрестностях Парижа массовое истребление дичи в марте 1789 г. переросло в своеобразное восстание, вызвавшее серьезную тревогу властей²⁶. Здесь, вблизи столицы, особенно ясно прослеживается влияние парижских событий. Характерен случай в Монтрей-су-Буа (Montreuil-sous-Bois). Собравшиеся в местном кабаке крестьяне проклинали местного бригадира жандармерии; тут же нашлись люди, обещавшие крестьянам, что с ним «будет поступлено так же, как с Ревельоном и Анрио»²⁷. В деревне Шату во главе крестьянского возмущения стоял некий Пьер, виноградарь, который, по его словам, «принес добрые вести из Парижа»²⁸. Принявшиеся за истребление дичи крестьяне разогнали лесную стражу и отбили нападение жандармерии; в Жанвиле попытка жандармов арестовать 16 крестьян вызвала появление около трехсот жителей во главе с синдиком, которые камнями и палками отбили арестованных²⁹. Офицеры королевской охоты, доносил местный чиновник, «колеблются в применении суровых мер против масс ввиду настоящих обстоятельств, боясь как бы не произошло еще большее восстание (révolution)»³⁰.

«великого страха» в Артуа пишет о 700—800 вооруженных крестьянах (L. Jacob. La Grande Peur en Artois. «Annales historiques de la Révolution française», 1936, p. 134).

²¹ Relations..., p. 64; G. Lefebvre. La Grande Peur., p. 51.

²² «Inventaire sommaire». Hérault, t. 3, part 2, p. 95.

²³ «Inventaire sommaire». Bouches du Rhône, t. 2, p. 69.

²⁴ См. Никифоров, Руткевич, Евстафьев. Наказы третьего сословия Аррасского бальяжа в 1789 г. Киев, 1911, стр. 81—82. В окрестностях Парижа, где были расположены громадные охотничьи угодья короля и знати, наказания крестьян с особенной страстностью требовали отмены права охоты (Ch. Chassin. Op. cit., p. 98—100). «Это обилие дичи,— говорится, например, в одном из наказов,— есть постоянный град, более ужасный, чем тот, что 13 июля (1788 г.) распространил в стольких местах отчаяние и нищету».

²⁵ G. Lefebvre. Les paysans du Nord, p. 356; L. Jacob. Op. cit., p. 134.

²⁶ Переписка парижского интенданта Бертье, связанная с этим движением, опубликована Шассеном в четвертом томе указанного издания парижских наказов.

²⁷ G. Lefebvre. Documents sur la Grande Peur de 1789, dans la région parisienne. «Annales historiques de la Révolution française», № 2, 1934, p. 157.

²⁸ Подробно о волнениях в Шату (Chatou) см. А. Ону. Выборы во Франции в 1789 г. и наказы третьего сословия. СПб., 1908, стр. 168—175.

²⁹ Ch. Chassin. Op. cit., p. 94. Донесение сулейтенанта жандармерии от 22 марта 1789 г.

³⁰ Ibid, p. 90.

Но районом, где особенно сильно развернулось антифеодалное движение крестьян весной 1789 г., была провинция Дофинэ. Непосредственным поводом и здесь часто бывал голод³¹. Но интендант провинции справедливо отмечал, что дело не только в голоде, но и в «расположении простого народа восстать», приводя в пример волнения и в тех местах, где хлеба хватало. «Это дело большой важности,— подчеркивал интендант в письме к Неккеру 28 апреля,— так как во многих сельских общинах этой провинции склонны избавиться от платежа сеньериальных прав»³². Именно сеньериальные права во всем их комплексе стали основным объектом нападения крестьян³³. Уже с февраля 1789 г. крестьяне многих деревень отказывались платить феодальные повинности³⁴. В апреле, мае, июне 1789 г. движение против феодальных рент достигло особой силы. Некоторые коммуны собирались на сходы, принимая решения отказаться от уплаты феодальных платежей³⁵, а в трех деревнях — Авансон, Сент-Этьен и Вальсер — крестьяне действовали более смело. Уже с марта они, по словам сеньера, стали распространять в окрестных деревнях воззвания, «возвещали о своем плане возмущения и грозили сжечь дома тех, кто не присоединится к ним». 18 апреля вожаки послали в город за порохом и пулями, а 20 апреля большой отряд, вооруженный ружьями, пистолетами и охотничьими ножами, явился к замку сеньера и потребовал его отказа от всех феодальных прав³⁶. Такой же характер приняло движение и в ряде мест Прованса, особенно с конца марта 1789 г. «Крестьяне,— сообщал 27 марта интендант,— сопротивляются уплате десятины и сеньериальных повинностей»³⁷. Народ объявляет, «что он ничего не желает платить — ни налогов, ни повинностей, ни долгов»³⁸. Это не изолированный бунт, как обычно, — с тревогой доносил командующий войсками провинции, а широкое движение с общими принципами. Народ полагает будто «король хочет, чтобы во всем было равенство, что он не хочет ни сеньеров, ни епископов, ни сословий, ни десятины, ни сеньериальных прав»³⁹. В Провансе начались нападения на замки; в Солье был разгромлен замок сеньера; в Пенье 150 крестьян осадили в замке своего сеньера, заставив его подписать отречение от феодальных прав; в Пюилубье напавшие на замок крестьяне отступили только после перестрелки с вооруженными слугами сеньера. Волнения, разгромы налоговых контор и

³¹ Нищета здешних деревень поразила Артура Юнга, проезжавшего Вьенну в 1790 г. Дома крестьян, писал Юнг, «хижины, крытые соломой, грязные, без дымовых труб, так что дым выходит либо через отверстие в потолке, либо в окна. Стекло кажется неизвестно здесь, и эти дома имеют вид нищеты, не гармонирующий с общим обликм местности» (A. Young. *Travels in France*. London, 1889, p. 282).

³² С. Глаголев-Данини. Крестьянские волнения в Дофинэ в конце XVIII в. «Историческое обозрение», т. XVII. СПб., 1912, стр. 140 (подчеркнуто в самом документе).

³³ Несмотря на то, что Дофинэ была областью аллодиального права (*pays d'alleux*), феодальные платежи были тяжелы и стеснительны (P. Gouard. *La peur en Dauphiné*. Paris, 1904, p. 9—19).

³⁴ «Мне сообщают из разных округов провинции, что вассалы отказываются платить сеньериальные ренты», — писал в феврале Неккеру один из видных чиновников Дофинэ (J. Egret. *Le parlement de Dauphiné*, p. 348).

³⁵ P. Comard. *Op. cit.*, p. 37; J. Egret. *Le parlement de Dauphiné*, p. 349; Gaudriller. *La bronie de Thodure en 1789*. «*La Révolution française*», t. 65, 1913, p. 258—262.

³⁶ С. Глаголев-Данини. Указ. соч., стр. 137—138.

³⁷ G. Lefebvre. *La Grande Peur...*, p. 48.

³⁸ Из донесения интенданта Неккеру от 2 апреля 1789 г. J. Egret. *La prérévolution en Provence (1787—1789)*. «*Annales historiques de la Révolution française*», № 135, 1954, p. 123.

³⁹ А. Ону. Указ. соч.; E. Samu. *Op. cit.*, p. 3.

сожжение налоговых списков происходили в Ла Сен и Гиере⁴⁰. Одним словом, как заявил в парламенте Экса адвокат (*avocat général*), повсюду «эпидемия бунтов» (*une épidémie de révolte*)⁴¹.

Опубликованные до сих пор материалы не дают возможности более глубоко и подробно выяснить общую картину крестьянского движения в эти месяцы. Но даже отрывочные данные показывают, что вспыхнувшие в июле восстания были основательно подготовлены тем недовольством и брожением, которое постепенно проникало в деревню в течение последних предреволюционных месяцев. О том же говорят и многочисленные сообщения о положении в деревне. Один из сеньеров Шампани писал, например, 7 июня: «Враждебность деревенских жителей против их сеньеров крайняя повсюду»⁴². Командующий войсками в Безансоне уже 10 апреля 1789 г. высказывал министру опасение «как бы замки не запылали»⁴³ (они действительно запылали в этой провинции в июле 1789 г.). Можно было бы многократно умножить примеры таких сообщений; для административной переписки, для различных документов, вышедших из-под пера представителей власти, дворянства и высшего духовенства, чрезвычайно характерны тревога, страх, ощущение заколебавшейся почвы под ногами. Но только во второй половине июля, вслед за началом революции в Париже, брожение и недовольство, охватившие крестьянские умы уже накануне революции, переросли в мощные восстания, потрясшие до основания феодальный строй.

* * *

Политическая обстановка в стране к началу июля 1789 г. была особенно накаленной. Придворная клика организовала контрреволюционный заговор; готовился разгон Учредительного собрания. Слухи об аристократическом заговоре тревожили буржуазию, настораживали народные массы Парижа, проникали в провинцию. Влияние бурно развивавшихся событий политической борьбы самыми различными путями проникало и в деревню, не оставляя равнодушными крестьян, вот уже два с лишним месяца ждавших от Собрания решения своих неотложных нужд. Через курьеров, почтовых служащих, от путешественников, из писем депутатов узнавали в деревне политические новости, о борьбе в Штатах, об их постановлениях⁴⁴. Жадно прислушиваясь к этим сообщениям, крестьяне с возрастающим нетерпением ждали главного — известия об отмене или смягчении налогов, феодальных рент и повинностей. Именно в плоскости этого вопроса преломлялись в их сознании политические новости. Конар, внимательно обследовавший дофинузские архивы, приводит множество интересных фактов, рисующих настроения крестьян в эти дни. Уже в июне широко распространился слух, что «король разрешил нападать на замки»; в Кремье (приход в Дофинэ) полагали, что «надо сжечь и разорить замки»; в Сен-Кантэне говорили, что владельцы замков прячут такие «приказы короля»; в Эйрье уверяли, что «король позволил разорять замки, но запретил их поджигать». Один из нотаблей, приехав с рынка из Бургуэна, передавал о высказываниях крестьян против дворянства, от которых у

⁴⁰ E. S a m a u. Op. cit., p. 25—26; J. V i g u i e r. Op. cit., p. 269—270.

⁴¹ E. S a m a u. Op. cit., p. 27.

⁴² G. L a u r e n t. Op. cit., p. ССХС.

⁴³ А. О н у. Указ. соч., стр. 167.

⁴⁴ Выясняя происхождение «великого страха», Лефевр тщательно исследовал те пути, которыми попадали в провинцию, в частности в деревню, политические известия. См. G. L e f e v r e. La Grande Peur..., p. 79—90.

него «волосы на голове зашевелились: только и говорят, что об убийствах и о поджогах замков»⁴⁵.

Так думали и говорили не только в Дофинэ. Изучавший архивы департамента Нор, Лефевр, приводит факты, говорящие о подобных настроениях и среди местных крестьян. Распространялись слухи об отмене десятин и сеньериальных прав и о том, что всем коммунам позволено теперь добывать справедливость прямыми действиями, о том, что налоги более не обязательны⁴⁶.

Наконец, мощным эхом отозвалось по всей Франции начало революции в Париже, взятие Бастилии 14 июля 1789 г. Известия о парижских событиях распространились между 15 и 19 июля по всей стране. В десятках и сотнях городов и местечек в ответ на это известие вспыхивали восстания городского плебейства. И повсюду в результате этих восстаний приходила к власти буржуазия.

Парижское восстание, «муниципальная революция» оказались сильнейшим толчком, взволновавшим крестьянство. Вдобавок именно в это время крестьяне, потребовавшие в своих наказах освобождения от феодальных повинностей и ждавшие от Собрания этого освобождения, столкнулись с требованиями платить десятины и шампары — июль был месяцем отбывания натуральных повинностей — и во второй половине июля, тысячи крестьян влезли за оружие; в стране запылала крестьянская революция. Токи «великого страха», родившегося в накаленной обстановке этих дней, усилили движение и явились поводом для восстаний в Дофинэ, Виваре и части Нормандии.

Восстания начались через пять дней после взятия Бастилии, в 20-х числах июля 1789 г., и охватили десятки и сотни деревень нескольких провинций страны. Нет необходимости перечислять все известные сейчас крестьянские выступления конца июля — начала августа. Важно выяснить прежде всего общий размах движения, установить районы, где оно поднялось с наибольшей силой, и на основе этого попытаться раскрыть его содержание и особенности.

В трех восточных провинциях — Франш-Конте, Эльзасе и Бургундии с особенной силой вспыхнуло крестьянское возмущение. Восстание началось на севере Франш-Конте, в районе г. Везуль⁴⁷. Сигналом послужил случай у замка Кенси. Вечером 19 июля, во время праздника в честь взятия Бастилии, собравшего множество крестьян, взорвался бочонок с порохом. Среди собравшихся оказались жертвы. В условиях накаленной общественной атмосферы, когда в народе опасались аристократического заговора, закономерен был вывод современников: взрыв — дело рук дворянства, аристократии. Возмущение крестьян тотчас же направилось против местного дворянства, замок был сожжен дотла⁴⁸. Известие об этом немедленно разнеслось по округе, и к 21—22 июля восстание охватило всю северо-восточную часть Франш-Конте. Между 20 июля и 3 августа нападе-

⁴⁵ P. Coillard. Op. cit., p. 39—40.

⁴⁶ G. Lefebvre. Les paysans du Nord, p. 353, 357.

⁴⁷ Здесь цепко держались особенно архаичные формы феодальных отношений; свыше сотни деревень подчинялось мэнморту. Знаменитое Люксейльское аббатство владело землей 22 деревень, подчиненных мэнморту. Аббатство было разгромлено 21 июля (L. Barbédette. La terre de Luxeuil à la veille de la Révolution «Annales historiques de la Révolution française», № 20, 1927, p. 157—159).

⁴⁸ Это событие получило широкую огласку по всей Франции, им специально занималось с 25 июля Национальное собрание, признавшее взрыв результатом непредусмотрительности (см., напр., Guillemaut. Histoire de la Révolution dans le Louhannais, t. I. Louhans, 1899, p. 109—110).

нию подверглись десятки замков, аббатств, сеньериальных судов⁴⁹. Уже 22 июля муниципалитет Везуля сообщал в Собрании о беспорядках, «дошедших до крайности в его бальяже: замки сожжены, разрушены, разграблены, по крайней мере все архивы взломаны, документы и земельные описи вытаснены, насилия и угрозы ужаснейшие»⁵⁰.

В юго-восточной части современного департамента Ду возник еще один очаг восстания. Между 21 и 31 июля оно охватило район г. Понтарлье, несколько замков и монастырей были осаждены и лишились своих архивов. Шесть тысяч человек насчитывал отряд крестьян, спустившихся 29 июля с гор в Виллафан и Шантран для уничтожения помещенных здесь архивов нескольких сеньерий. В общем, по приблизительным подсчетам, нападению крестьянских отрядов подверглось 19 замков (из них два были сожжены), около 15 аббатств и других церковных учреждений, несколько сеньериальных судов.

Другой областью восточной Франции, где вспыхнуло в конце июля крестьянское движение, был Эльзас⁵¹. В Нижнем Эльзасе, в районе Страсбурга и Обернэ, крестьяне напали на два аббатства, угрожали нескольким другим монастырям и дворянским замкам. Но с особенной силой восстание развернулось в Верхнем Эльзасе, где 25—30 июля поднялись на борьбу тысячи крестьян. Крестьяне нападали на монастыри, дворянские замки. 26 июля, например, большой отряд прошел через Сернэ и Уфхольц и, придя в Гебвиллер, разгромил дома капитула и замок одного из церковных сеньеров⁵².

Южнее Гебвиллера, в районе Мазво и Альткирка, крестьяне разгромили несколько замков, угрожали монастырям, уничтожали феодальные архивы. Здесь ожесточенным преследованиям подвергались ростовщики, сеньериальные агенты. К началу августа восстание было подавлено войсками.

Южнее Эльзаса и Франш-Конте районом одного из крупнейших крестьянских восстаний была восточная часть Бургундии, особенно область Маконнэ, в междуречьи Гроны и Соны, хотя движение перешагнуло за Грону на западе и за Сону на востоке. В общем возмущение захватило район между городами Вильфранш, Макон, Турню, Клюни, причем беспокойно было и в районе Шалон-на-Соне на севере и в районе Луана и Бурга на юге.

Помимо общих причин, движение в Маконнэ было усилено волной «великого страха», паника, рожденная восстанием во Франш-Конте, пройдя область Бресс, достигла Макона 26 июля⁵³. Знаменитая «жакерия» в Маконнэ бушевала на протяжении почти 100 км с севера на юг и 40 км с запада на восток, достигнув наибольшей силы 28, 29 и 30 июля. Один за другим поднимались десятки приходов, крестьяне объединялись в большие вооруженные отряды в несколько сот человек и отправлялись в поход, разоряя и часто сжигая по пути дворянские замки⁵⁴. Восстание захватило

⁴⁹ Восстание охватило территорию современных департаментов Верхней Соны и Ду; на севере оно затронуло часть департамента Вогезы (юг Лотарингии). Территория, охваченная восстанием, установлена Лефевром («La Grande Peur...», p. 124—128).

⁵⁰ Ph. Magéchal. La révolution dans la Haute-Saône. Paris, 1913, p. 51.

⁵¹ Общий ход восстания в Эльзасе прослежен Лефевром («La Grande Peur...», p. 129—132).

⁵² Véron-Réville. Histoire de la révolution française dans le département du Haut-Rhin. Paris, Colmar. 1865, p. 7—8; R. Reuss. Histoire d'Alsace. Paris, 1915, p. 213—214.

⁵³ G. Lefebvre. La Grande Peur..., p. 134—135. Общий ход восстания в Маконнэ показан в этой работе на стр. 132—139.

⁵⁴ Например, в Люньи, по свидетельствам современников, собралось до 1200—1300

южную часть Маконнэ и часть области Божоле⁵⁵. В общем, по подсчету одного из исследователей⁵⁶, около 120 замков и богатых домов было в эти дни сожжено или разгромлено в Маконнэ и Божоле. 30 июля восстание достигло высшей точки. В следующие дни оно стихало, со всех сторон, на крестьян наступали войска и отряды буржуазной милиции. Однако, судя по воззванию комитета гор. Турню к крестьянам, изданному 7 августа, еще в это время, т. е. 10—12 дней спустя после начала движения, «отряды разбойников» (т. е. восставших крестьян) еще не разошлись»⁵⁷.

На крайнем юго-востоке Бургундии, в области Бюжи, восстание вспыхнуло несколько позже, в первой половине августа⁵⁸. Наиболее крупный его эпизод — нападение 500—600 крестьян из десяти соседних деревень во главе со школьным учителем на аббатство Сен-Сюльпис в районе Белле, закончившееся его разгромом, сожжением архива и сооружением виселицы во дворе монастыря для устрашения монахов⁵⁹.

27 июля отзвуки восстаний во Франш-Конте и Маконнэ достигли Дофинэ — в преобразованном виде, как одна из волн паники «великого страха». Эта паника оказалась поводом для крупнейшего восстания дофинуазских крестьян. Восстание, охватившее всю северо-западную часть провинции (область Вьеннуа, современный департамент Изер), уже тогда было широко известно во Франции⁶⁰.

Одним из центров, где началось восстание, был г. Бургуэн. Вечером 27 июля сюда пришла с севера волна паники — по слухам приближались 20 тыс. савойцев, грабивших все на своем пути⁶¹. В Бугуэне и окружающих деревнях непрерывно били на набат. В ночь на 28 июля крестьяне, приходскими отрядами, во главе с синдиками, нотаблями, а иногда и сельскими кюре, стекались со всех сторон в Бургуэн, вооруженные косами, вилами, топорами, подчас и ружьями. Они пришли сражаться с вторгнувшимися, как им сказали, иноземцами. Ночью же выяснилась вздорность этого слуха. И на заре тысячи крестьян, построившись в длинную колонну, с барабанами впереди, двинулись в поход по лионской дороге. Этим и началось восстание, назревавшее здесь уже несколько месяцев, со времени гренобльских событий 1788 г. и антифеодальных выступлений весной 1789 г. По дороге к отряду присоединялись новые группы крестьян и восставших (A. Vergard, *Tournus en 1789. «Annales de l'Académie de Mâcon», 1903, p. 198*); отряд крестьян, вышедший из деревень Иже и Перони, где началась «жакерия» Маконнэ, насчитывал 600—700 человек (*ibid.*).

⁵⁵ Здесь были сожжены или разгромлены несколько замков. S. a. u. s. *L'anarchie dans le Lyonnais. «Revue de la Révolution», 1885, t. 6, № 4, p. 113* (публикация письма из Лиона).

⁵⁶ A. Vergard. *Op. cit.*, p. 197. Современная брошюра приводит другую цифру — свыше 60 замков или буржуазных домов сожжено и разгромлено (*Relation...*, p. 10).

⁵⁷ «Inventaire sommaire». Saône et Loire. Supplément. Ville de Tournus, p. 152. Здесь опубликованы (в подробном переложении) документы городского комитета, организованного в городе во время волнений крестьян.

⁵⁸ *Relation...*, p. 102.

⁵⁹ Заверенный нотариусом протокол показаний об этом событии опубликован в «Inventaire sommaire». Ain, Série G. et H. Bourg, 1891, p. 158.

⁶⁰ См. брошюры «Les incendieurs en Dôphiné ou les ennemis des grands, 8 août 1789». De l'imprimerie de V-e Hérissant (1789); «Mémoire pour servir à l'histoire de l'année 1769» par une Société des Gens de lettres, t. 3. Paris, 1790.

⁶¹ P. Vergard. *Op. cit.*, p. 49, 50. Лефевр, которого интересует главным образом происхождение и характер «великого страха», не разбирает это восстание (как и волнения в Виварэ, см. ниже) в своей книге («La Grande Peur...»), касаясь лишь восстаний, предшествовавших панике. Наиболее полно дофинуазское восстание исследовано Конаром, который опубликовал в приложении к своей книге ряд документов. О панике и слухах в Дофинэ см. небольшую заметку в «Annales historiques de la Révolution française», № 129, 1952, p. 501—505.

вся масса двигалась к Ла-Верпийеру, громя по пути дома помещиков. Восстание распространилось на восток от Бургуэна (г. Ла Тур дю Пэн), 29—30 июля оно охватило южную часть Вьеннуа, в начале августа — юго-восток области (район г. Вирьё). И здесь двигались на замки колонны вооруженных крестьян с флейтами и барабанами впереди, згли архивы и т. д. В общем, по мнению автора современной брошюры, всего 82 замка и несколько монастырей подверглись нападению между 28 июля и 5 августа, из них 20 было сожжено. Генеральный прокурор провинции, посылая 19 августа донесение в Париж, приводил другие цифры: 9 замков сожжено, 43 разгромлено, в 13 других сожжены архивы⁶². 9 августа в Ла-Кот Сент-Андре произошла последняя вспышка дофинузского восстания. Уже с первых чисел августа оно подходило к концу; с разных сторон наступали войска и отряды буржуазной гвардии.

Из Дофинэ волна «великого страха» проникла в соседнюю область Виварэ (северо-восточный край провинции Лангедок, современный департамент Ардеш): 10 тыс. савойцев под командой графа Артуа вторглись в страну — так передавали из деревни в деревню. 28 июля под звон набата население окрестных деревень собралось в г. Пузен⁶³. Ночью обнаружилась ложность слуха, и крестьяне разошлись по домам. Однако в тот же день в городе был убит один из дворян и разгромлен находившийся неподалеку (в Шомерак) замок, владельца которого подозревали в организации враждебных дворянских сборищ. Этим пока что ограничилось дело. Тем не менее положение оставалось напряженным. 3 августа в Виварэ пришли известия о восстании в Дофинэ и немедленно распространились по деревням. В некоторых местах начали циркулировать воззвания, призывавшие к возмущению («des écrits séditieux»). Эти известия и послужили сигналом к выступлению⁶⁴.

В районе Рокмор, Шомерак, Вивье и Обна в течение августа 1789 г. крестьяне напали на несколько замков, сожгли архивы, уничтожили кое-где судебные документы. Восстания прекратились только к концу августа.

Таким образом, почти по всем восточным провинциям Франции, от Эльзаса до восточного Лангедока, прокатилась в конце июля — начале августа волна крестьянского возмущения. На западе страны вспыхнуло одно восстание, поднявшее широкие массы крестьян в нормандском Бокаже и в северной части Мэна (запад современного департамента Орн и юго-запад департамента Кальвадос). Городские восстания, вспыхнувшие в Нормандии сразу после прихода известия о взятии Бастилии⁶⁵, сыграли большую роль в подъеме крестьянских волнений, которые назревали здесь уже с весны 1789 г. Очагом движения стали окрестности Фалеза. Еще 16 июля управляющий одного из сеньеров Нижней Нормандии (графа Васси) сообщил, что «вот уже пять или шесть дней идет большое брожение в окрестностях Фалеза и Конде сюр-Нуаро»⁶⁶. 19 июля около 300 крестьян сожгли

⁶² Relation..., p. 95; J. Egrét. Le parlement de Dauphiné, p. 350.

⁶³ J. Régéné. La Grande Peur en Vivarais. Privas, 1917, p. 21. В книге опубликован ряд документов по истории «великого страха» в Виварэ.

⁶⁴ Ch. Jolivet. La révolution dans l'Ardèche. Lyon, 1930, p. 135. О крестьянском восстании в Виварэ рассказывает рапорт сенешальства Вильнев-де-Берг, посланный 19 августа королю. Его подробно перелагает Жюливе в указанной работе, а также S. Brugal. La Jacquerie dans le Vivarais. 1789 à 1793. Nantes, 1883; см. также Relation..., p. 87.

⁶⁵ Народные волнения начались в городах еще до 14 июля. После известия о взятии Бастилии восстания и волнения вспыхнули в Фалезе, Кане, Мамере, Аржантене, Шербурге, Вире. Повсюду народ таксировал продовольствие, громил налоговые бюро и т. д.

⁶⁶ F. Mourlot. Op. cit., p. 319.

архив графа в одном из его имений по соседству с Фалезом. 23 — 26 июля восстание распространилось по всему Бокажу. 24 июля собравшиеся в г. Вир дворяне писали о тревоге в связи с «нашествиями, которыми угрожают их собственности и личности», а в донесении чиновника из Кана от 26 июля сообщалось уже о том, что «положение ужасающе», «бандиты» «распространяются со всех сторон, жгут, грабят, захватывают документы во всех архивах»⁶⁷.

На севере движение дошло до Тюри-Аркур (Кальвадос). В эти же дни оно охватило весь юго-западный край теперешнего департамента Орн. Нападению подверглось большинство помещичьих домов, расположенных между рекой Орн, городами Флер и Ферте-Масе⁶⁸. Широкий размах приняло восстание в районе Ферте-Масе, где толчком послужила волна «великого страха» — прошел слух о грозящем нападении неведомых «разбойников». Особенно крупным было восстание в приходах Кутерн, Соважер, Кулонш⁶⁹. 27 июля до 600—700 крестьян под звуки набата выступили из бурга Соважер и двинулись к замкам Вожуа и Кутерн. Во главе отряда шли флейтисты и барабанщики; крестьяне были вооружены ружьями, саблями, серпами, самодельными пиками. Множество людей присоединялось к ним в пути, а у замка отряд вырос до 1600—1800 человек. Архивы были сожжены, замок Вожуа разгромлен.

С нападением на замки в Кутерне и Кулонше восстание распространилось в пределы Верхнего Мэна (северная часть современного департамента Майенн)⁷⁰.

Крупнейшим событием крестьянской борьбы в Верхнем Мэне было нападение на замок Отвиль⁷¹ в районе Шеванье 30 июля⁷². Число восставших современники определяли в 1200—1500 человек.

Нормандский Бокаж и Северный Мэн были районом наиболее крупного на западе крестьянского восстания летом 1789 г. Но крестьяне волновались в Нормандии и в Мэне повсюду, отдельные небольшие восстания, волнения, «беспорядки» происходили в разных концах обеих провинций⁷³. Особенно крупное столкновение произошло в городке Баллон (современный департамент Сарты). Толчком явилась паника, начавшаяся в ночь на 23 июля в связи со слухом о том, что «четыре тысячи разбойников опусто-

⁶⁷ Ibid., p. 321.

⁶⁸ Ход восстания в Нормандии и Мэне прослежен у Лефевра («La Grande Peur...», p. 121—124). Восстание вообще хорошо обследовано. Ряд документов о нем опубликован Л. Дювалем (L. Duval. *Ephémérides de la moyenne Normandie et du Perche en 1789*. Alençon, 1890, p. 110—148). А. Сэ опубликовал отрывки из материалов судебного расследования: H. Sée. *Les troubles agraires dans le Bas-Maine en juillet 1789*. «Annales historiques de la Révolution française», 1925, nov.-déc.

⁶⁹ См. L. Duval. *Op. cit.*, p. 115—121; V. Duchemin et R. Triger. *Les premiers troubles de la révolution française dans le Mayenne*. Mamers, 1888, p. 17—23.

⁷⁰ В Нормандии восстание распространилось на восток до Се (у истоков р. Орн). Здесь 29 июля крестьяне несколько деревень сожгли архив в замке Сасси (Sagпас et Сагон. *Les comités des droits féodaux*, p. 157—158) и в замке Сент-Илер ла Жерар (южнее Се). Дюваль (L. Duval. *Op. cit.*, p. 127—130) опубликовал показания хозяйки замка.

⁷¹ Протокол о нападении на замок Отвиль, составленный судьей, опубликован в изложении в «Inventaire sommaire». Mayenne, t. I, p. 397. Материалы судебного расследования издал А. Сэ в указанной выше публикации.

⁷² Вообще восстание в Мэне началось раньше, 28 июля, когда крестьяне начали сжигать архивы замков по левому берегу Майенны. V. Duchemin et R. Triger. *Op. cit.*, p. 31—32.

⁷³ В области Бессан (район г. Байё, деп. Кальвадос) нападению крестьян подверглось несколько замков (F. Mourlot. *Op. cit.*, p. 317—318), в окрестностях Сен-Ло волнения продолжались и в августе (M. Deries. *Le district de Saint-Lo pendant la révolution*. Paris, 1923, p. 51) и т. д.

шают местность и идут осаждать Баллон». Сразу же забили в набат, и к утру до 6 тыс. вооруженных крестьян собрались в городе. «Разбойников» не оказалось, и собравшийся народ расправился с двумя местными богачами — крупным сеньером Монтессон и богатым торговцем Кюро. Головы их были перенесены на пиках через весь город ⁷⁴.

Наконец, еще одним районом восстания летом 1789 г. была область Эно (современный департамент Север) и прилегающие местности крайнего севера Франции ⁷⁵. Серьезные волнения происходили 17 — 19 июля в районе Лилля; большие толпы крестьян, иногда в сотни человек, отказывались вносить десятину. В Эно волнения поднялись вслед за городскими ⁷⁶, переплетаясь с ними, с 20-х чисел июля, являясь непосредственным продолжением антифеодальных выступлений весной 1789 г. Одним из наиболее значительных было восстание группы сельских приходов у реки Эско (Мортань, Флин, Брюйль, Шато л'Аббе) ⁷⁷.

Восстание началось 25 июля в Мортани, бывшем в то время небольшим городком, население которого, как видно из приходского наказа, состояло главным образом из «землепашцев, большинство которых имеет снятую в аренду землю, плодов которой едва хватает для того, чтобы прокормить себя и семью», и из «бедных рабочих и бурлаков (*tireurs à bateaux*), зарабатывающих хлеб в поте лица своего, проводя суда от Мортань до Дуэ» ⁷⁸. 25 июля группа жителей, вожakov восстания, начала бить в набат в Мортани; на городской площади загредел барабан. Одновременно ударили в набат на колокольне прихода Флин, и крестьяне, вооруженные ружьями, топорами, косами, объединившись с жителями Мортани, отправились в поход против близлежащего аббатства Шато. По дороге к ним присоединились крестьяне из Шато л'Аббе, и вся толпа подошла к монастырю. Восставшие заставили выдать им полное отречение аббатства от всех феодальных повинностей.

Целый ряд крестьянских выступлений произошел в конце июля в других местах Эно. Волнения захватили всю область восточнее Армантьера и западнее Валансьена. В общем весь крайний север Франции (Фландрия, часть Артуа и Пикардии) оказался в эти дни районом серьезного крестьянского движения.

Таким образом, в конце июля и первой половине августа семь различных районов страны охватило крестьянское движение, переросшее в более или менее значительные восстания. Они вспыхнули в Эльзасе (главным образом, в Нижнем Эльзасе, департамент Верхнего Рейна), Франш-Конте (главным образом в районе Везуля, департамент Верхней Соны, захватывая отчасти юг департамента Вогезов и север департамента Ду, и в районе Понтарлье, департамент Ду), Бургундии (область Маконне, часть Божоле, Бюжи, департаменты Соны и Луары, Роны, Эн), Дофинэ (Вьеннуа, департамент Изер), Лангедока (Виварэ, департамент Ардеш), Нормандии (Бокаж, отчасти Мэн, департаменты Орн и Майенн), крайнем севере Франции (департамент Север, главным образом Эно, но также и восточная

⁷⁴ События этих дней вошли в местную устную традицию как «безумные четверг и пятница». Подробнейшая запись приходского кюре о событиях в Баллоне опубликована в «*Inventaire sommaire*». Sarthe, t. I, p. 13—14. См. также стр. 221, т. V, стр. 294—295.

⁷⁵ G. Lefebvre. La Grande Peur..., p. 132; idem. Les paysans du Nord, p. 358—364.

⁷⁶ 24 июля вспыхнуло восстание в Валансьене, 26-го — в Камбре, 27-го — в Дуэ и Мобеже. Волнения происходили во многих мелких городах.

⁷⁷ Подробное изложение материалов расследования этих событий дано во введении к «*Inventaire sommaire*». Nord. Ville de Mortagne, p. XV—XXI.

⁷⁸ «*Inventaire sommaire*». Nord. Ville de Mortagne, p. 2.

часть департамента)⁷⁹. Такова чисто количественная. «территориальная» характеристика движения. Однако сила общественного воздействия этих восстаний на умы современников, на общий ход революционной борьбы станет вполне ясной лишь при учете того, что брожение, отдельные небольшие возмущения, отказы платить налоги и феодальные ренты стали в это время обычным, массовым явлением для всей французской деревни. Многочисленные публикации документов разного характера, локальные исследования по истории революции дают историку многочисленные факты, показывающие, что восстания были лишь наиболее ярким, концентрированным выражением общего настроения широчайших масс крестьян. Только узкие рамки статьи мешают привести здесь хотя бы некоторую часть этих фактов.

Анализ содержания поднявшегося движения подтверждает выводы большинства исследователей аграрного строя Франции XVIII в. о господстве мелкого хозяйства свободных крестьян на несвободной, феодально зависимой земле. Он показывает, с другой стороны, ошибочность преуменьшения тяжести феодального сеньериального гнета и преувеличения глубины и остроты внутрикрестьянских противоречий накануне революции. Повсюду, от Нормандии до Эльзаса и Лангедока, главным требованием, которое с поразительным единодушием выдвигали восставшие, была отмена всех феодальных платежей, без различия юридических форм⁸⁰. Тонкости февдистики, в которые с таким усердием вникали потом законодатели Учредительного собрания, мало интересовали крестьян. Борьба за окончательное утверждение свободной земельной собственности составляет основу крестьянских движений летом 1789 г., как и вообще в первые годы революции. Восстания достигали разной степени решительности — в Маконне и Дофинэ пылали дворянские замки, в Нормандии жгли только архивы, но стремление ликвидировать феодальные платежи повсюду являлось основным стержнем крестьянских требований.

История восстаний дает богатый материал, подтверждающий эту мысль. Не случайно именно уничтожение земельных описей (*livres terriers*) с записью всех повинностей было типичнейшим, наиболее массовым действием крестьян в это время. Эти описи, отчасти возобновленные в годы феодальной реакции⁸¹, возбуждали единодушную ненависть крестьян. «Наша территория, — жаловалась еще в марте 1789 г. одна из коммун Дофинэ, — наводнена *terriers*, большинство которых составлено несправедливо, плохо, и может быть, тиранически»⁸². Повсюду нападая на замки, монастыри, крестьяне прежде всего добивались уничтожения земельных описей, иногда они требовали еще формального отречения светских и духовных сеньеров от феодальных прав. В Нормандии восставших так и на-

⁷⁹ Обобщая в своей работе («1789, l'an un de la liberté») данные о крестьянском движении 1789 г., Собуль указывает только четыре восстания (разобранные Лефевром): в Нормандии, Эно, Франш-Конте и Маконне.

⁸⁰ Общность основных экономических условий, а не искусно осуществленный заговор породила это единодушие в требованиях. См. P. Guéronik. *Le mouvement ouvrier et paysan de juillet 1789 à 27 juillet 1794*. Paris, 1940. Автор излагает аргументацию в пользу заговора на стр. 102.

⁸¹ Очевидно своеобразным отражением феодальной реакции было требование, встречающееся уже летом и особенно характерное для крестьянского движения конца 1789 — начала 1790 г., чтобы сеньер представил крестьянам для проверки законные, первоначальные документы. Например, жители одного из приходов Пикардии просили Собрание обязать сеньера «представить его титулы (*titres*)... чтобы обеспечить право их исправить и вычистить злоупотребления, вкравшиеся за столько лет» (*S a g n a s e t C a r o n*. Op. cit., p. 360—363).

⁸² P. S o n a r d. Op. cit., p. 18.

зывали «поджигатели архивов» (*brûleurs des chartriers*)⁸³. Отправляясь, например, в замок Кулонш, крестьяне прямо определили цель своего похода: мы идем, говорили они, сжечь «великую опись Кулонша, которая весит более ста фунтов»⁸⁴. («*Le grand chartrier de Coulonche*»).

Так же определили свою задачу и крестьяне, напавшие на замок Отвиль (Мэн). Как видно из показаний управляющего, у него потребовали «земельную опись, которая должна весить от 60 до 100 фунтов», «эту толстую книгу, весящую более 60 фунтов, которую вы называете террье»⁸⁵.

За феодальными документами крестьяне отправлялись в города и местечки. Например, 28—30 июля несколько раз отряды крестьян занимали Бургун (Дофинэ) и жгли на городской площади сеньериальные архивы; при этом «многие из них объявляли громким голосом, что они желают освободиться от сеньериальных прав и сжечь дворянские бумаги»⁸⁶. Конечно, часто дело не ограничивалось уничтожением только архивов. Вполне понятная ненависть к привилегированным сословиям и сама логика стихийных действий восставших влекла за собой иногда сожжение замков, опустошение винных погребов и помещений и т. д. Характерно заявление крестьян одного из восставших приходов Виварэ, говоривших, судя по донесению командира Национальной гвардии: «Если они (дворяне.— А. А.) имеют прекрасную одежду и едят лакомые куски, кто за них платит как не бедный крестьянин?.. Наконец-то мы считаемся с этими проклятыми дворянами!»⁸⁷.

При этом, однако, крайне редки случаи прямой расправы с дворянами,— дальше угрозы дело, как правило, не шло. Здесь дает себя знать хозяйственный асентизм дворянства, в массе своей давно порвавшего прямые связи с землей. Но в целом, при различных конкретных обстоятельствах восстаний, главное требование — ликвидация феодальных повинностей, освобождение крестьянской земли — неизменно присутствует в тех или иных формах.

Вторая сторона аграрного вопроса, как он был поставлен жизнью в XVIII в.—увеличение землевладения крестьян, отстает несколько на второй план в это время. Но в ряде случаев крестьяне требовали возвращения узурпированных сеньерами общинных земель, добивались восстановления общинных сервитутов, особенно в Нормандии и на крайнем севере⁸⁸. На крайнем севере, районе более развитых капиталистических форм в деревне и множества карликовых хозяйств, вопрос об общинных землях и сервитутах занимал особое место.

В своем исследовании о крестьянах севера Лефевр убедительно показал, что этот вопрос иногда выдвигался даже на первый план в ходе

⁸³ « Ежедневно... с каждым курьером,— писал интендант Нормандии,— я получаю новости о налетах, совершаемых вассалами на замки своих сеньеров. Правда, я не могу пока сказать, чтобы замки были разгромлены, но вассалы завладели архивами и сожгли их, надеясь таким образом освободиться от платежей, которыми они обязаны» (L. Duval. Op. cit., p. 123—14).

⁸⁴ L. Duval. Op. cit., p. 17; V. Duchemin et R. Triger. Op. cit., p. 17.

⁸⁵ «...ce gros registre, pesait plus de 60 livres». H. Sée. Op. cit., p. 533—535; V. Duchemin et R. Triger. Op. cit., p. 34—35.

⁸⁶ P. Conard. Op. cit., p. 7. Крестьян, говорил один из выступавших на собрании консулов и нотаблей Гренобля, «звратили, чтобы «заставить сжигать замки и сеньериальные документы, поманив их освобождением от феодальных повинностей». «*Inventaire sommaire*». Ville de Grenoble. 208.

⁸⁷ S. Brugal. Op. cit., p. 12.

⁸⁸ L. Duval. Op. cit., p. 112; J. Lefebvre. La Grande Peur..., p. 123.

крестьянских выступлений летом 1789 г.⁸⁹. Однако и здесь преобладала борьба против феодальных платежей, в особенности против десятины.

С общим направлением крестьянских требований летом 1789 г. связана и другая особенность движения: оно выступает как борьба всего крестьянства против феодализма. Даже в районах более сильного расслоения деревни — в Нормандии, на севере⁹⁰, внутрикрестьянские столкновения сравнительно редки. Среди привлеченных к суду за участие в восстаниях мы встречаем сельскохозяйственных рабочих (*domestiques, brassiers*), крестьян-полубатраков (*manouvriers, manoeuvres*), достаточных крестьян (*laboureurs*), даже фермеров, лавочников, мельников, торговцев, разносчиков, ремесленников, рабочих лесопилен, солеварен, лесорубов, кузнецов и т. д.⁹¹. Например, в Маконне были осуждены четверо «землепашцев» (*cultivateurs*), шесть виноградарей, трое поденщиков (*manoeuvres*), один торговец, восемь ремесленников⁹².

Характерно, что люди из деревенской верхушки — синдики, консулы, депутаты баляжных собраний, просто зажиточные крестьяне часто играли активную и даже руководящую роль в движении⁹³. Эту роль сельской верхушки специально отмечали авторы многих локальных исследований, например исследователь восстания в Виварэ⁹⁴. В Нормандии организатором восстания в приходе Бриуз оказался богатый крестьянин Пеньи. Его работник ходил по деревням, «чтобы взбунтовать вассалов», а сам Пеньи во главе вооруженного отряда крестьян отправился жесть архив местного сеньера⁹⁵. В другой деревне (Сент-Илер-Ла-Жерар) во главе восставших были два приходских синдика, вооруженных ружьями; они руководили сожжением феодальных документов. Среди других крестьян участвовали

⁸⁹ G. Lefebvre. *Les paysans du Nord*, p. 362—363. В описанном выше восстании приходов Мортань и др. крестьяне требовали отказа сеньеров от права посадки деревьев на общинных землях и вдоль дорог, разрешения для крестьян пастись скот в лесах сеньера и косить там траву, а беднякам собирать хворост. По данным судебного протокола, крестьяне в один день вырубали 3435 ранее посаженных деревьев («*Inventaire sommaire*». *Nord. Ville de Mortagne*, p. XX—XXI).

⁹⁰ Ж. Лефевр, склонный к преувеличенному, с нашей точки зрения, подчеркиванию внутрикрестьянских противоречий (в связи с его идеей об автономности и антикапиталистических тенденциях крестьянской революции), также, однако, отмечает единство деревни в июльских восстаниях, даже на севере. «Ненависть к сеньеру,— писал он,— определила в этих провинциях (Севера) единение почти всех крестьян и разом подняла их, в июле 1789 г., против старого режима» («*Les paysans du Nord*», p. 163). «Следует признать,— писал он в другой работе,— что единодушие в среде сельского населения могло осуществиться только против тягот, возложенных на крестьян королем и аристократией» («*Quatre-vingt neuf*». Paris, 1939, p. 154, 162).

⁹¹ A. Bernard. Указ. соч., стр. 194; P. Cornard. *Op. cit.*, p. 72; H. Séé. *Op. cit.*, p. 530, 534; G. Lefebvre. *La Grande Peur...*, p. 114, 115, 140.

⁹² A. Bernard. *Op. cit.*, p. 205—207.

⁹³ Эта роль сельской верхушки легко объяснима горячей заинтересованностью зажиточных крестьян-собственников в освобождении земельной собственности. Однако было бы односторонним представлением об июльских восстаниях, как о деле рук только крестьянской верхушки, при отсутствии собственной заинтересованности основной массы крестьянства. Такая трактовка неизбежно ведет к переоценке степени расслоения французской деревни перед революцией, к известному смещению исторической перспективы. См., напр., E. Sogea u. *Ouvriers et paysans de 1789 à 1792*. Paris, 1936, p. 112. «Крестьяне и пахари,— пишет Соро,— более или менее богатые, желают уничтожить феодальную собственность, которая обременяет их собственность... Они увлекают пролетариев, батраков против замков». Ту же мысль, почти дословно, повторяет Героник (*Guégonik. Le mouvement ouvrier et paysan de 1789 à 1794*. Paris, 1940, p. 106).

⁹⁴ Ch. Jolivet. *Op. cit.*, p. 136; см. также G. Lefebvre. *La Grande Peur...*, p. 140.

⁹⁵ L. Duval. *Op. cit.*, p. 110—112.

в сожжении бумаг и работники одного из синдиков, сьера Оммель, тоже вооруженные⁹⁶.

Таким образом, в июле 1789 г. все непривилегированное население деревни, крестьянство в целом и близкие к нему социальные группы поднялись против двух первых сословий с их политическими и социальными привилегиями. Вековая вражда к сеньеру оттеснила в этот момент на второй план внутренние распри в крестьянстве, которые разгорятся с особой силой позднее, когда остро встанет вопрос о судьбе общинных и национальных имуществ.

Иногда в районах восстаний складывалось своеобразное единство действий крестьян с городским плебейством. Особенно оно проявилось в Дофинэ. В Лионе, Гренобле, Вьенне, Бургуэне рабочие и ремесленники выступали в защиту крестьян, против буржуазной милиции и войск. Широко известен факт такого выступления в Лионе. Отряд буржуазной милиции, подавлявший крестьян, ведя арестованных, возвращался в город. И здесь жители знаменитого рабочего предместья Гильотьер⁹⁷, забравшись на крыши и верхние этажи домов, встретили отряд градом камней. Лишь ружейные залпы и угрозы сжечь дотла весь квартал заставили их отступить.

В Гренобле послышка против крестьян буржуазной милиции вызвала бурное волнение плебейства. Грозили «убить храбрых и честных граждан, желающих присоединиться к различным отрядам войска, которые предполагают послать»⁹⁸. 31 июля созданный в дни восстания городской комитет постановил, «чтобы предупредить крайние беспорядки, которые предвещает бурно движение народа», отозвать «гренадеров, стрелков и волонтеров, направленных в Рив».

В Бургуэне к началу августа городская тюрьма была переполнена арестованными крестьянами. 1 августа городской комитет сообщал, что не только окрестные крестьяне начинают звонить в набат и грозят прийти освободить заключенных, но и «народ города собирается не чинить им препятствий, а напротив, помочь взломать тюрьму»; «чернь хочет подняться, если не освободят заключенных»⁹⁹. В результате арестованные были освобождены. Это своеобразное единство существовало не только в Дофинэ, не только летом 1789 г. Позже, например в крестьянских восстаниях начала 1790 г. мы наблюдаем то же явление. «Население городов,— сообщал прево хандармерии из Оверни в январе 1790 г.,— и жители деревень готовы действовать сообща с тем большей легкостью, что все вооружены». «Что будет с нами,— тревожно писал тогда же неизвестный автор из Фижака (департамент Ло), если эта ярость (овладевшая крестьянами.— А. А.) захватит города?»¹⁰⁰.

В связи с этим важно отметить присущее участникам крестьянских движений лета 1789 г. сознание своей силы, представление о том, что они выступают как часть третьего сословия, совершающего революцию. Восстаниям этой поры совершенно чуждо какое-либо религиозное оформле-

⁹⁶ Ibid., p. 128—129. Здесь опубликованы подробные жалобы пострадавших дворян.

⁹⁷ «Это предместье,— говорилсь в современной брошюре «Лионцы — спасители Дофинэ»,— уже много раз приняло нам беспокойство». «Mémoires pour servir à l'histoire de l'année 1789», t. 3. Paris, 1790, p. 202—203; Valleydier. Histoire politique et militaire du peuple de Lyon t. I. Paris, 1846, p. 8—9.

⁹⁸ Из письма комиссии штатов Дофинэ от 3 августа. P. Conard. Op. cit., p. 103.

⁹⁹ P. Conard. Op. cit., p. 109.

¹⁰⁰ Archives parlementaire de 177 à 1860. Sous la direction de Mavidal et Laurent, t. XI, p. 369—371.

ние, с ним было покончено уже со времен камизаров. Антидворянская, антифеодалная сущность движения выступает предельно ясно. Но для «идеологии» восставших крайне характерен своеобразный наивный роялизм, свойственный вообще крестьянским движениям средневековья. Повсюду — в Эльзасе, Маконнэ, Дофинэ, Виварэ — крестьяне заявляли, что они действуют от имени короля, они выполняют приказы короля и т. д. Эта своеобразная черта восстаний, не раз отмечавшаяся исследователями¹⁰¹, была широко известна современникам¹⁰².

9 августа было опубликовано от имени короля официальное опровержение слухов о «приказах короля»¹⁰³. Но было бы неверно видеть здесь только свойственную вообще крестьянам наивную веру в «доброе короля». Этот наивный роялизм крестьян явился и своеобразным преломлением в их сознании политических событий весны и лета 1789 г., в частности и «присоединения» короля к революции после 14 июля. Характерно, что очень часто, говоря о «приказах короля», крестьяне связывали их с деятельностью Собрания, третьего сословия. Во время восстания в приходе Бриуз (Нормандия) заявляли, будто «имеется декларация короля, которая предписывает всем вассалам сжечь архивы, чтобы не оставлять никаких следов феодализма, который Генеральные штаты уничтожили»¹⁰⁴. Во Франш-Конте на запрос в связи со слухами о «разбойниках» эшеваны одного из приходов писали, что «это люди из разных мест, которые, находясь в нищете, собрались в сборище и объявляют в различных деревнях, что они имеют приказы короля, которые уполномочивают третье сословие потребовать у сеньеров узурпированные ими права»¹⁰⁵. Таким образом, в этих случаях, ссылаясь на «приказы короля», крестьяне как бы имели ввиду, что король присоединился к третьему сословию, действует с ним заодно, а сами они являются частью этого сословия, выступающего против дворян. «Э, господин,— заявили сеньеру в одном из приходов Мэна,— вы уже не большой сеньер, как и король, который объявил, что он из третьего сословия»¹⁰⁶. И, нападая на замки, крестьяне иногда кричали: «Да здравствует король, да здравствует третье сословие»¹⁰⁷, или, уже не упоминая короля, говорили, что Национальное собрание уничтожило все цензы, ренты, платежи и мельничные баналитеты¹⁰⁸.

Иногда такому своеобразному истолкованию событий политической борьбы содействовали местные демократы из интеллигенции. Например, в Виварэ какой-то помощник прокурора, рассказывая крестьянам о декретах Собрания, «давал им ложное истолкование» и возбуждал «ярость»

¹⁰¹ G. Lefebvre. La Grande Peur..., p. 112. В приложении Лефевр опубликовал текст такого «приказа короля», написанный на грубой бумаге с орфографическими ошибками. По всей вероятности крестьянские вожаки широко распространяли такие воззвания. Один из свидетелей показал при расследовании, что «Этьен Ферран, трактирщик в Нивола (Дофинэ) держал у себя в течение двух дней человека, который имел медный алфавит и делал с его помощью печатные воззвания» (P. Sogard. Op. cit., p. 81—82). У одного из восставших в Маконнэ была найдена медная дощечка для изготовления таких воззваний (Rameau. La révolution dans l'ancien diocèse de Maçon. Académie de Maçon, 1900, p. 9).

¹⁰² См. «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 7. Письмо Оливье из Парижа. «Le courrier de Lyon», N 7, 8.X 1789, p. 54. «Mémoires pour servir à l'histoire de l'année 1789», p. 202.

¹⁰³ «De part de roi», 9.VIII 1789. Листовка.

¹⁰⁴ L. Duval. Op. cit., p. 110.

¹⁰⁵ «Inventaire sommaire». Haute Saône, t. 4, p. 56.

¹⁰⁶ V. Duchemin et R. Triger. Op. cit., p. 42.

¹⁰⁷ P. Sogard. Op. cit., p. 84; С. Глаголева-Данини. Op. cit., стр. 151.

¹⁰⁸ F. Mourlot. Op. cit., p. 319.

против сеньеров и духовенства¹⁰⁹. Таким образом, влияние политической борьбы, которую вела буржуазия в Париже, проникавшее в деревню уже весной, ясно чувствуется и в ходе летних восстаний. Это крайне важная черта движения. Восстания в июле 1789 г.— не просто стихийный бунт доведенных до отчаяния людей. И объективно и в значительной степени субъективно (в смысле осознания этого самими крестьянами) июльские восстания были одним из важнейших элементов начавшейся буржуазной революции. Крестьяне выступили как ее наиболее мощная, но не единственная сокрушающая сила. Именно поэтому действия крестьян, оставаясь локальными и стихийными в каждом отдельном восстании, оказались в конечном счете победоносными — единство крестьян против феодализма дополнялось союзом с буржуазией (при всей его сложности и внутренней противоречивости) и плебейством.

Но в то же время важной особенностью событий лета 1789 г. в деревне было то, что они вызвали страх не только у феодальных сословий. Разгром и сожжение замков, вторжение крестьян в города, где они объединялись иногда с городской «чернью», многочисленные нападения на дома крупнейших богачей в деревне и в городах¹¹⁰, — все это привело к тому, что тревожные опасения за судьбы собственности охватили в дни «великого страха» и крупную буржуазию Франции. «Свобода вырождается в распущенность и анархию», «общественный порядок и собственность под угрозой», — такою основной мотив громадного количества документов о событиях в деревне, исходивших от новых буржуазных властей, отдельных буржуа и т. д.

Верно подметил это явление автор брошюры о событиях в Страсбурге. Рассказывая о восстании, он писал, что «следует отделить мирных и домовитых буржуа от этого чуждого сборища, составленного из рабочих, крестьян и ремесленников». Буржуа «удовлетворились спокойным составлением пожеланий, чтобы наступило изменение в гражданском управлении; чернь же предалась грабежу и, обманувшись в своих надеждах получить помощь от первых, тотчас же выступила против них»¹¹¹. Эти опасения были связаны и с тем, что в общем потоке крестьянской борьбы летом 1789 г. пробилась особая струя — отдельные выступления бедноты, сельских полуцолетариев¹¹². Особенно четко выделяется выступление бедноты на севере, что неудивительно, учитывая особенности аграрной экономики района. Богатый материал об этих движениях собран Лефевром¹¹³.

¹⁰⁹ S. G u g a l. Op. cit., p. 8; J. R é g n é. Op. cit., p. 22. Ряд других примеров приводит Лефевр («La Grande Peur...», p. 115—116).

¹¹⁰ Дома некоторых богатых буржуа были разгромлены во время восстания в Дофинэ (P. S o n a g d. Op. cit., p. 90); муниципалитет Карантена (Нормандия) сообщал, что крестьяне нападают не только на замки, но и на «другие, известные богатством дома» (F. M o u r l o t. Op. cit., p. 321). Иногда крестьяне выступали против ростовщиков. В Эльзасе требовали расписки за неотданные долги, во Франш-Конте захватили в одном из приходов списки должников (Relation..., p. 24. Reuss Histoire d'Alsace, p. 214). Во время нападения крестьян на Люньи (Маконне) они «обложили всех буржуа и унесли из прихода около 4 тыс. ливров» (факт сообщается в «Relation», p. 101). В работе Бернара («Tournus en 1789», p. 195) говорится о 3 тыс. Перо («L'année de la Grande Peur», p. 27) сообщал о «тысяче эю».

¹¹¹ «Révolutions d'Alsace», 179, p. 13.

¹¹² Это подчеркнул еще Жорж в своей «Истории революции» (т. 1, русское издание 1920 г., стр. 214—215).

¹¹³ G. L e f e v r e. Les paysans du Nord, p. 358—359 и др. См. также Relation..., p. 27. О движении бедноты говорят жалобы, посланные муниципалитетами и «главными жителями» ряда приходов Пшардди в провинциальное собрание. Дороговизна и редкость хлеба, писали они, «породили в их местности постоянные бунты», они «не на-

Встревоженная буржуазия во многих городах поднялась на защиту «порядка и собственности». Повсюду в районах восстаний создавались городские комитеты, вооружались отряды буржуазной милиции. В Маконнэ сразу после начала восстания муниципалитеты Турню, Шалона, Бурга, Сен-Женгу, Пон-де-Во связались с муниципалитетом Макона, договариваясь о мерах безопасности¹¹⁴. В Турню на заседании муниципалитета говорили о «мятежном беспокорстве», угрожающем «ниспровержением общественного порядка». Созданный в городе комитет при подходе крестьянских отрядов приказал запереть ворота, спрятать бывшие в городе земельные описи, организовал стражу и т. д.¹¹⁵. В Виварэ с началом восстания «торговля прервана... зажиточные люди дрожат»¹¹⁶. «Отечество в опасности,— восклицали на собрании консулов и нотаблей в Гренобле (Дофинэ) 28 июля,— враги взбунтовали нацию против нации, сословия против сословий, граждан против их сограждан... священные права собственности должны быть уважаемы... право собственности должно быть поставлено под охрану городов и всех патриотов провинции»¹¹⁷.

Буржуазия Дофинэ спешно вооружалась уже в 20-х числах июля, 3 августа была разослана инструкция муниципалитетам провинции с требованием создавать «милицию из добрых граждан, подвижных патриотическим рвением... доверить надежным людям командование... чтобы остановить кражи, поджоги и разрушения, которые совершаются в деревнях»¹¹⁸. Вооружалась буржуазная милиция и в Нормандии — в Карантене, Фалезе и других городах¹¹⁹. В районах восстаний буржуазная милиция выступила с оружием в руках вместе с воинскими отрядами и сыграла немалую роль в их подавлении, особенно в Маконнэ¹²⁰, Дофинэ¹²¹, Нормандии¹²².

В августе, когда движение повсюду шло на убыль, началась судебная расправа с участниками восстаний (она была особенно суровой в Эльзасе, Маконнэ и Дофинэ). Репрессии были жестоки. Крестьян судили превотальные суды (главным образом в Эльзасе), созданные буржуазией импровизированные трибуналы. Выносились десятками смертные приговоры, крестьяне ссылались на каторгу, на галеры. 33 человека были казнены в Маконнэ¹²³, не считая десятков крестьян, убитых в ходе сражений с милицией Макона, Клюни и других городов. Подлинный террор царствовал в Дофинэ. Множество крестьян было арестовано, многие казнены. Свиристствовал выездной трибунал, разъезжавший в сопровождении отряда солдат по провинции. Двое казненных были после повешения обезглавлены, и головы их возили по деревням для устрашения¹²⁴.

ходятся в безопасности... чернь их приходов угрожает разграбить... их зерно ближайшей жатвы». (Опубликовано в отрывках в «Inventaire sommaire». Somme, t. IV, p. 86—87).

¹¹⁴ A. Vergard. Op. cit., p. 194.

¹¹⁵ «Inventaire sommaire». Saône et Loire. Ville de Tournus, p. 32. Состав комитета: мэр, три врача, четыре нотариуса, шесть адвокатов, три буржуа, судья, прокурор, сборщик габели, местный сеньер (ibid., p. 152).

¹¹⁶ S. Brugal. Op. cit., p. 8.

¹¹⁷ «Inventaire sommaire». Ville de Grenoble, p. 208. Здесь опубликован в подробных выдержках протокол заседания.

¹¹⁸ P. Conard. Op. cit., p. 121.

¹¹⁹ L. Duvall. Op. cit., p. 123.

¹²⁰ Rameau. Op. cit., p. 9.

¹²¹ С. Глаголева-Данини. Op. cit., стр. 153; P. Conard. Op. cit., p. 113; «Le courrier de Lyon», N 7, 1789, p. 51—52.

¹²² L. Duvall. Op. cit., p. 123; V. Duchemin et R. Triger. Op. cit., p. 37—38.

¹²³ G. Lefebvre. La Grande Peur..., p. 139.

¹²⁴ «Ужас овладел крестьянами», — сообщал в середине августа муниципалитет

К участникам восстания в Баллоне (Мэн) были применены варварские средневековые методы наказания — клеймение, колесование и т. д.¹²⁵

Таким образом, крупная буржуазия не только была недовольна тем, что крестьяне, говоря словами Лефевра, «взяли свое дело в собственные руки»¹²⁶, но в ряде мест прямо участвовала в репрессиях, на этой почве сближаясь иногда со старыми властями. Выяснение этих фактов не должно, однако, вести к поспешным выводам. Столкновение буржуазии и крестьянства (в июле 1789 г. и позже) не было борьбой двух разных по объективному содержанию тенденций в революции — капиталистической (буржуазия) и антикапиталистической (крестьянство)¹²⁷.

Столкнулись разные методы ликвидации феодальной старины — либерально-буржуазный с его оговорками и преклонением перед «порядком» и крестьянско-демократический, мужицкий, утраивавший крупных буржуа своей радикальностью. Тем не менее, участвуя в поджогах замков, разгроме буржуазных домов и иных покушениях на собственность, сражаясь с отрядами буржуазной гвардии, крестьяне не становились от этого социалистами, и их демократическая борьба, даже при самом победоносном исходе, могла иметь лишь один объективный результат в конце XVIII в. — создание наиболее благоприятной почвы для развития капитализма.

В связи с этим характерен происшедший в начале осени 1789 г. сдвиг в позиции местной буржуазии в Дофинэ. Естественно, что особо страстными ревнителями и исполнителями суровых расправ с крестьянами выступили защитники «старого порядка», прямые враги революции; наиболее жестоко действовали сохранившиеся еще старые органы суда и власти. От арестов крестьян кое-где перешли к аресту некоторых «подозрительных» буржуа. В дни, когда восстание бушевало в полную силу, когда страх у местных буржуа полностью заглушил голос рассудка, они не только приветствовали расправу, но и сами с большим рвением в ней участвовали. Но теперь, когда восстание стихло, когда подняли голову враги революции, а страх отошел в прошлое, буржуазия решительно потребовала прекратить кровавые расправы с крестьянами. Первой возмутилась буржуазия маленьких городов. Нотабли Бургуэна и Вирё 14 августа и 17 сентября потребовали смягчения репрессий¹²⁸. В середине сентября поднял голос и орган лионской буржуазии «Лионский курьер». Обращаясь к дворянству, газета не без язвительности замечала, что «если привилегированные искренне отказываются от своих привилегий, они должны сами просить, чтобы заблуждения, жертвой которых они стали, были забыты»¹²⁹.

Этот факт, сам по себе незначительный, интересен тем, что в нем чрезвычайно отчетливо выявилось двойственное положение буржуазии (прежде всего, крупной) в условиях начавшейся буржуазной революции, противоречивый характер ее «союза с народом» и, в частности, с крестьянством.

Бургуэна (P. Cornard. Op. cit., p. 145). Напуганные крестьяне бегут из деревень, — писала 14—15 сентября лионская газета («Le courrier de Lyon», p. 101).

¹²⁵ «Inventaire sommaire». Sarthe, t. V, p. 294—295, 317. Опубликован текст судебного приговора.

¹²⁶ См. G. Lefebvre. Etudes sur la révolution française. Paris, 1954, p. 250.

¹²⁷ В этом вопросе мы не можем согласиться с Ж. Лефевром, особенно настаивающим на антикапиталистических тенденциях крестьянской революции, автономной в рамках 1789—1794 гг. Крестьянская революция, пишет Лефевр, «автономна в особенности по своим антикапиталистическим тенденциям, и это тот пункт, на котором я в особенности настаиваю» (G. Lefebvre. Etudes..., p. 250).

¹²⁸ P. Cornard. Op. cit., p. 145 156.

¹²⁹ «Le courrier de Lyon», № 13, 15. IX 1789, p. 101—102.

В общем, поднявшаяся в июле 1789 г. волна крестьянского возмущения утихла ко второй половине августа. Восстания были подавлены войсками и буржуазной гвардией. Известное успокоение внесли декреты 4—11 августа, слишком оптимистически истолкованные в первые дни крестьянами, до которых не сразу дошел подлинный смысл этих решений. Но успокоение было относительным и временным. Уже к концу 1789 г. движение вновь нарастает, а в январе — феврале 1790 г. в Бретани, Перигоре, Керси, Лимузене опять запылали архивы дворянских замков.

* * *

Конкретным результатом восстаний лета 1789 г., были серьезные классовые сдвиги, связанные с аграрными отношениями. Великий страх, охвативший дворянство, доказал полную беспочвенность занятой им накануне революции твердолобой позиции. Необходимость уступок поняли уже отдельные дворяне на местах. В июле и августе многие сенеры сочли за лучшее добровольно отказаться от феодальных повинностей, не дожидаясь пока этот отказ будет вырван силой. Известен ряд таких отказов в Дофине¹³⁰, Бургундии¹³¹, Нормандии¹³². Это поняли и наиболее дальновидные депутаты дворянства в Национальном собрании. Об этом говорят известные предложения д'Эгильона и Ноайля и решения 4—11 августа 1789 г. Несмотря на всю половинчатость декретов, они сыграли положительную роль на первом этапе революции, но они оказались лишь началом пути, завершившегося декретами якобинцев 3 июня — 17 июля 1793 г.

Общее же значение описываемых восстаний крестьян в истории революции трудно переоценить. Они окончательно упрочили победу 14 июля. Они дали толчок такой лавине крестьянской борьбы, остановить которую оказались не в силах ни деятели первых двух законодательных органов буржуазной революции, ни королевская власть. Восстания возобновились в 1790 г., продолжались в 1791 г. Борьба углублялась вместе с развитием революции в 1792—1793 гг., когда жизнь поставила перед деревней новые вопросы. И только летом 1793 г. закончилась начатая в 1789 г. эпопея крестьянской борьбы, и закончилась победой — аграрное законодательство якобинцев провело в жизнь основные требования общекрестьянской аграрной программы. Феодальные отношения в деревне были уничтожены решительно и навсегда.

¹³⁰ «Inventaire sommaire». Drome, t. 5, p. 95. Опубликован полный текст отречения от феодальных прав графа де Нарбонн (приход Гранж-Гонтар). См. также «Inventaire sommaire». Drome, t. 6, p. 165; t. 4, p. 316—317; «Le courrier de Lyon», № 32.

¹³¹ «Inventaire sommaire». Saône et Loire, Supplément. Ville de Tournus, p. 142.

¹³² «Mémoires pour servir à l'histoire de l'année 1789», t. 3, p. 161.

Тематически связанные материалы

А.Адо. Крестьяне и Великая французская революция.

Крестьянское движение в 1789-1794 гг.

Ж.Лефевр. Аграрный вопрос в эпоху Террора (1793-1794)

М.Блок. Характерные черты французской аграрной истории

А.Собуль. Французская сельская община (XVIII-XIX века)

А.Коробочко. Из истории социальных движений во Франции в первой половине XVIII в.
В.Малов. К вопросу о складывании единого хлебного рынка во Франции в XVIII-XIX веках (Опыт корреляционного анализа)
А.Адо, З.Чеканцева. Движение «вооруженных масок» (80-е годы XVIII века)
А.Адо. К истории борьбы за проведение в жизнь аграрного законодательства якобинцев
А.Адо. Муниципальные выборы, первичные собрания и социальная борьба во французской деревне (1790 г.).
А.Собуль. Крестьянские движения и феодализм (конец старого порядка середина XIX в.)
К истории петиции, представленной Пьером Доливье Законодательному собранию 1 мая 1792 г. Публикация *А.Адо*
К.Женден. Земельная рента во Франции от конца Старого порядка до Первой империи
Ф.Потемкин. Агрономическая практика и политические позиции пропагандистов «нового земледелия» во Франции во второй половине XVIII начале XIX в.
А.Адо. Научное наследие Н.М.Лукина и некоторые проблемы истории крестьянства во время Великой французской революции
В.Лавровский. Экспроприация английского крестьянства в XVIII в.
Е.Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции
Н.Чупрун. Сен-Жюст и вантозские декреты
Ж.Жорес. Марат и аграрный вопрос.
Марат и пролетарии
(фрагменты из «Социалистической истории Французской революции», том 3)

Подборки документов

Аграрное законодательство Учредительного Собрания
Аграрное законодательство Законодательного Собрания
Аграрное законодательство монтаньяров